

—
За два дня дома Ши Юнь почувствовал, что его щеки, осунувшиеся от усердной учебы, заметно округлились.

Доев ароматную жареную утку и прихватив с собой завернутые братом свиную ногу и утиную ножку в маринаде, он уже собирался забраться на воловью повозку, как вдруг почувствовал, что его кто-то легонько тянет за штанину.

Наклонившись, он увидел своего верного друга Хуан Цю. Зверек вцепился передними лапками в его ногу и смотрел на него с такой тоской, будто они расставались навсегда.

«Хуан Цю, мне пора в школу. Ты оставайся дома и помогай брату работать, а я скоро вернусь», — Ши Юню пришлось вернуться и ласково уговаривать своего маленького товарища.

«Трр-тр!» — Хуан Цю разжал лапки, но взгляд его оставался печальным.

Ши Юнь и сам не понимал, как он считывает эмоции с этой пушистой мордочки, но в блестящих черных глазах Хуан Цю он необъяснимо увидел и доверие, и нежелание.

«Хуан Цю, иди сюда. Сяо Юню пора ехать, скоро начнет темнеть, а в дороге в сумерках небезопасно», — Ши Чжу, глядя на эту сцену прощания, пришлось взять на себя роль «злодея», разлучающего влюбленных.

«Трр-трр!» — Хуан Цю повернулся к Ши Чжу и принялся активно жестикулировать передними лапками, будто что-то объясняя.

Но это не помешало Ши Чжу интерпретировать всё по-своему: «Да-да, Сяо Юнь вернется через полмесяца. Ты эти две недели хорошо работай, а когда он приедет, он с тобой поиграет».

«Трр-трр!» — Хуан Цю потерся головой о голень Ши Юня и послушно отступил назад.

«Брат, Хуан Цю, до свидания!» — Ши Юнь забрался на повозку и замахал рукой Ши Чжу, стоявшему во дворе.

Колеса заскрипели, повозка медленно выехала из деревни и скрылась из виду, превратившись в черную точку. Только тогда Ши Чжу вместе с Хуан Цю и Угольком вернулся в дом.

В доме оставалась целая тарелка деликатесов: маринованные свиные ноги, утиные крылышки, шеи и лапки.

Раньше Ши Чжу было жалко резать кур, но последние два дня петухи будили его так бесцеремонно, что он в ярости прибежал в соседний двор. Посмотрев на двух раненых кур, которых всё еще было жалко, он перевел взгляд на уток. Утки галдели так громко, что он, недолго думая, схватил самую жирную — «убить утку в назидание петухам».

К тому же, ему очень хотелось жареной утки. Утиные крылья, шеи и лапки жарить было неудобно, поэтому он просто забросил их в котел вместе со свиными ногами и замариновал в специях.

Устроившись в кресле-качалке, Ши Чжу отправил в рот кусочек свиной ноги. «М-м-м...» — ароматное, в меру острое, нежное и упругое. Жирно, но не слишком — очень вкусно.

Ши Чжу грыз косточку и слегка сожалел. Забыл сказать мужу, чтобы купил еще парочку... нет, еще четыре штуки. Эх. Выбросив косточку, он потянулся за следующим куском.

Уголёк и Хуан Цю некоторое время играли во дворе, но теперь куда-то исчезли. Ши Чжу смотрел на заходящее солнце и начал скучать по своему мужу.

—

Весенняя пахота началась почти одновременно с отъездом Ши Юня и тем моментом, когда живот Ши Чжу стал заметно округляться.

Небо еще не начало светлеть, когда Ши Чжу почувствовал, что обнимавший его мужчина тихонько встает. После недолгой борьбы со сном Ши Чжу с трудом открыл глаза. В комнате было темно, он видел лишь силуэт мужа, который надевал одежду.

«Уже уходишь?» — голос Ши Чжу был по-сонному мягким.

«Да, ты спи дальше».

«Не буду, я скоро принесу тебе поесть», — Ши Чжу заставил себя окончательно проснуться.

«Не нужно, я возьму пару маньтоу и перекушу в поле».

«Нет», — твердо отрезал Ши Чжу. Пахота — это тяжелейший труд. Муж и так весь день вкалывает, а потом еще ухаживает за ним — нельзя, чтобы он плохо питался. Ши Чжу было жалко мужа.

В конце концов, он прожил несколько лет в апокалипсисе. Он просто беременный, а не инвалид. Одно дело капризничать в обычные дни, и совсем другое — когда муж так занят. Он должен помогать.

Понимая, что убедить жену ему не удаётся, Ди Хэн вынужден согласиться, но всё же удерживал его и не давал ему встать.

«Еще слишком рано, поспи немного, я не проголодаюсь так быстро».

«Хорошо. Только работай не спеша, не надрывайся», — Ши Чжу, окончательно разморенный сном, послушно лег обратно.

Все мысли Ши Чжу были заняты тем, чтобы принести еду мужу, поэтому он не мог крепко уснуть и через час он окончательно встал. Было около часа чэнь (7:00 – 9:00). Хотя время раннее, Ди Хэн уже работал в поле часа два.

Представив, что муж трудится на пустой желудок, Ши Чжу быстро привел себя в порядок и поспешил на кухню. В кадке оставалось немного квашеной капусты. Он достал немного, мелко порубил, отжал воду и обжарил с мясным фаршем и приправами.

Затем он поднял крышку стоящей рядом кастрюли, положил туда две горсти промытого риса, добавил два половника воды и начал варить рисовую кашу. Пока вода закипала, он замесил тесто на горячей воде, сделав его гладким и эластичным. Времени ждать, пока тесто «отдохнет», не было, поэтому он сразу разделил его на мелкие части.

Раскатав тесто скалкой, он положил внутрь начинку из капусты, защипнул края и приплюснул — получились тонкие лепешки. Ши Чжу работал быстро, и вскоре несколько десятков лепешек

с капустой ровными рядами лежали на столе.

Разогрев масло на сковороде, он обжарил их до золотистой корочки и сложил в бамбуковую корзину. Решив, что одних лепешек мало, он достал четыре яйца и несколько выращенных его способностью перцев, приготовив еще и яичницу с зеленым перцем.

Ши Чжу взял глиняный горшок, вылил в него сваренную рисовую кашу, а затем отправился в поле. У них было всего два му земли, расположенных рядом. Ши Чжу уже носил еду раньше и знал дорогу.

Проходя мимо чужих полей, он с любопытством поглядывал по сторонам. Почти везде работали целыми семьями, согнувшись над землей. Ши Чжу заметил, что, несмотря на ручной труд без волов, люди работали очень быстро — у самых расторопных было перекопано уже полму.

Вскоре он перестал смотреть по сторонам и сосредоточился на дороге. Но если он не смотрел, то на него смотрели все.

Люди в поле, разгибая спины, провожали взглядом стройную фигуру, идущую по меже. По округлившемуся животу было понятно, что это чья-то жена, но лицо было настолько красивым, что никто не мог вспомнить, чья она.

Они подталкивали друг друга, гадая: «Чья это жена? Неужели местная?» По дороге было видно, что из их деревни, но лицо казалось незнакомым. Пока все ломали голову, Ши Чжу остановился у края своего поля, поставил корзину и крикнул: «Брат Хэн, пора обедать!»

Когда работавший мужчина выпрямился, открыв всем свое суровое и даже пугающее лицо, все ахнули: «Это он!»

Глядя, как Ши Чжу достает платок и нежно вытирает пот с лица Ди Хэна, люди начали завистливо вздыхать. Кто бы мог подумать, что этому свирепому парню так повезет — взять в жены такого красавца, да еще и такого заботливого.

«Пить хочешь? Выпей рисовой каши». После такой долгой прогулки обжигаяще горячая рисовая каша стала теплой и как раз подходящей для питья.

Ди Хэн послушно выпил до капли всю кашу, а затем получил из рук жены лепешку с начинкой. Один укус — тесто приятно жевалось, капуста была освежающей, а яичница с перцем — в меру соленой и острой. Ди Хэн был абсолютно счастлив. В его взгляде на Ши Чжу читалась бесконечная нежность.

Ши Чжу сам съел одну лепешку, составив мужу компанию, а затем достал еще три штуки из корзины: «Ты ешь, а я пойду отнесу тете и остальным, пусть попробуют».

«Я провожу тебя», — Ди Хэн хотел было встать, но Ши Чжу усадил его обратно.

«Не надо, посиди отдохни».

Поле тети было неподалеку. Увидев троих работающих людей, Ши Чжу крикнул: «Тетя! Дядя! Старший брат!»

«А-Чжу, ты чего это пришел?» — спросила Лю Цин.

«Я утром лепешек нажарил с капустой, принес вам попробовать».

«Ели бы сами с Хэнцзы, Сюэр нам уже приносила еду», — радостно подошла к нему Лю Цин.

«От одной лепешки хуже не будет», — Ши Чжу всучил лепешку тете, а затем дяде и брату.

Они не стали больше церемониться, вытерли руки и принялись за еду. От первого же укуса, когда во рту смешались кислый, острый и соленый вкусы, они начали одобрительно кивать.

«Мастерство А-Чжу самое лучшее! После такой лепешки до самого вечера будешь о ней вспоминать», — нахваливали они.

«Да ладно вам, преувеличиваете», — Ши Чжу сиял от похвалы.

Тете и остальным нужно было работать дальше, поэтому Ши Чжу не стал их отвлекать и, перебросившись парой слов, вернулся к мужу.

Едва семена пшеницы коснулись земли, как неожиданно начался весенний дождь.

Супруги, уставшие за дни тяжелой работы, лежали в постели и слушали тихий шелест капель по окну, негромко переговариваясь о своем, сокровенном. Ши Чжу долго лежал в одной позе, и ему стало неудобно. Когда он попытался неуклюже перевернуться под одеялом, Ди Хэн помог ему.

Ши Чжу лежал спиной к Ди Хэну, в его объятиях. Он только хотел что-то сказать, как вдруг почувствовал, будто его изнутри кто-то легонько пнул. Он замер.

Почувствовав, что жена замолчала, Ди Хэн встревожился. Он обнял его покрепче и заглянул в лицо — Ши Чжу смотрел в одну точку, выглядя немного ошарашенным.

«Что случилось?» — тихо спросил Ди Хэн.

Ши Чжу молча смотрел на него, думая о том странном движении. Неужели это то, о чем он подумал? Будто в подтверждение, его пнули еще дважды подряд. Теперь это почувствовал и Ди Хэн. Он задеревенел, боясь шелохнуться, и осторожно положил ладонь на живот Ши Чжу.

«Ты почувствовал?» — прошептал Ши Чжу.

«Да», — выражение лица Ди Хэна стало торжественным и серьезным.

Ши Чжу удивился: «Ты чего такой?»

Ди Хэн покачал головой и снова лег, крепко прижимая Ши Чжу к себе. Его рука, лежащая на животе, начала нежно его поглаживать. В глазах Ди Хэна, скрытых от Ши Чжу, светилась бесконечная нежность.

Уютную атмосферу нарушило громкое урчание. Живот Ши Чжу заурчал, словно барабан.

«Твои дети проголодались».

«Пойду приготовлю поесть», — Ди Хэн покорно встал и принялся готовить. Ши Чжу остался один в теплой постели, нежно проводя ладонями по своему животу. В его взгляде была такая нежность, которой он сам от себя не ожидал.

После завтрака и короткой прогулки Ши Чжу устроился в кресле-качалке и наблюдал, как работает его муж. Ди Хэн мастерил маленькую деревянную лошадку. Ши Чжу восхищался тем, как много всего умеет его мужчина, и одновременно думал о том, какой же он непоседливый. В такой дождь самое то — лежать и спать, а он, едва закончив пахоту, снова за дела.

Ши Чжу смотрел на мелкий весенний дождь за окном. Ритмичный звук шлифовки дерева действовал усыпляюще. Закрывая глаза, Ши Чжу посмотрел на почки на гранатовом дереве во дворе и подумал: «Действительно, пришла весна».

Через несколько дней дождь наконец прекратился. Ши Чжу, обнимая подушку, командовал Ди Хэном, чтобы тот вынес одеяла на просушку. После дождей всё казалось влажным и неудобным, что раздражало Ши Чжу. Когда одеяла были развешаны, а окна открыты для проветривания, Ши Чжу сел на качели.

«Давай после обеда сходим в лес. После дождя в горах наверняка вылезло много бамбуковых побегов и грибов», — он загибал пальцы, перечисляя сокровища леса и предвкушая прогулку.

Ди Хэн хотел было что-то возразить, но, видя, как горят глаза его маленькой жены, не стал портить ему настроение. За завтраком Ши Чжу съел всего пару кусочков и уже тянул мужа за рукав, требуя идти за «сокровищами». Ди Хэн силой усадил его обратно, заставив съесть два больших баоцзы, яйцо и выпить кашу.

Слегка переевший Ши Чжу, поддерживая поясницу, лениво бродил по двору, чтобы переварить пищу. Он с грустью думал о том, что его лицо теперь совсем не маленькое — круглое, как пышная маньтоу.

Эта мимолетная грусть исчезла, стоило им дойти до бамбуковой рощи. Увидев нежные побеги, пробивающиеся из земли, Ши Чжу мгновенно составил в голове меню: побеги с копченым мясом, утка с бамбуком, побеги с острым перцем...

Схватив маленькую мотыгу, он радостно бросился к зарослям: «Бамбук, я иду!» Он был похож на счастливого хомячка, раскапывающего запасы. Ди Хэн наказал ему не уходить далеко и сам принялся за работу.

Побеги после дождя были сочными, ярко-зелеными и выглядели очень аппетитно. Роща была огромной, и вскоре корзины супругов были полны. Ши Чжу остановился. Сидеть на корточках долго было уже тяжело, и, пока муж не видел, он тайком помассировал живот.

«Брат Хэн, на сегодня хватит. Я видел по дороге дикую зелень, давай наберем немного и пойдем домой».

«Хорошо».

Ди Хэн взвалил на спину свою корзину, подхватил корзинку Ши Чжу, забрал у него мотыгу и взял его за руку: «Держись за меня, иди медленно».

Они спускались с горы со скоростью черепахи, останавливаясь каждый раз, когда видели съедобную зелень. Вернувшись домой, Ди Хэн усадил жену в кресло: «Живот болит?» Он краем глаза видел, как Ши Чжу массировал живот в лесу, но не стал говорить об этом там.

«Нет, просто ноги затекли, пока сидел», — соврал Ши Чжу, боясь, что муж снова запрет его дома, как зимой.

Ди Хэн не сказал, верит он или нет, но молча опустился на колени и принялся массировать ему ноги. От сильных теплых рук поначалу было немного больно, но вскоре по телу разлилась приятная истома, мышцы расслабились.

Глядя на Ши Чжу, который обмяк в кресле, как сладкий пирожок, Ди Хэн тепло улыбнулся и продолжил массаж. Вскоре послышалось ровное дыхание — Ши Чжу уснул. Ди Хэн аккуратно погладил его по животу: «Введите себя прилично, не утомляйте папу».

Поцеловав Ши Чжу в лоб, он подхватил его под спину и колени и отнес в кровать. Одеяла, нагретые солнцем, пахли теплом и уютом. Ши Чжу уткнулся в них носом и заснул еще крепче. Закрыв окна, Ди Хэн вышел во двор.

Бамбук и зелень сами себя не почистят. Пока Ши Чжу спит, он всё подготовит, чтобы жена могла приготовить их, когда захочет. Он взял табурет и поставил его под карниз, потащив за собой корзину с побегами бамбука и дикорастущими овощами.

Ди Хэн сел, держа в руке нежный побег бамбука. Он ловко очистил побег от кожуры, обнажив нежную белую мякоть. Ди Хэн бросил очищенный побег в таз с овощами.

Вскоре на земле выросла целая гора очисток, а в тазу лежали чистые побеги. Кожуру он не выбросил — собрал её для «сокровищ» Ши Чжу, кур и уток.

—

<http://bllate.org/book/12838/1225434>